

«Мизантроп»

Пьеса в четырех непродолжительных действиях.

Действующие лица:

Петр Иванович Вяземский, он же Алексей Евгеньевич Лазарев - интеллигентного вида мужчина средних лет.

Павел Разумов - молодой человек девятнадцати лет атлетического телосложения с короткой стрижкой.

Лариса Ивановна - пожилая женщина, хозяйка дачи.

Капитан полиции

Сержант полиции

Все действие пьесы происходит в небольшом темном помещении - дачном подвале. К левой стене подвала приставлена деревянная лестница ведущая к люку-выходу. В правой стене вмонтированы железные стойки для полок. Посредине подвала установлен небольшой стол, рядом с ним – деревянный стул. Над столом свисает лампа с конусным плафоном.

В подвале сыро. Изредка о металлический пол ударяют капли воды.

Действие первое

Сцена №1

Подвал – темнота и тишина. Неожиданно в правом углу кто-то зашевелился. Раздается протяжный человеческий стон. Сверху открывается люк-лаз. По приставной лестнице медленно спускается человек с фонариком в руке. Это Петр Иванович. Фонарик мельком освещает его сухое лицо в очках. На нем – длинное пальто. Спустившись, Петр Иванович закрывает за собой люк, направляет фонарь в правый угол подвала. В углу сидит привязанный к железной стойке молодой человек в спортивном костюме. Его рот заклеен скотчем. Это Павел. Он спит. Свет фонаря будит его.

Павел (ворчит). Муммм.

Петр Иванович (полушепотом). Мычишь? Ну, ничего, ничего. Это хорошо, что мычишь. Дальше хуже будет. Дальше ты у меня квакать начнешь.

Павел мотает головой, телом, руками - хочет вырваться. Петр Иванович подходит к Павлу, направляет фонарь ему в глаза. Павел отворачивается. Петр Иванович сжимает в ладони его лицо.

Павел. Муммм.

П.И. Сиди тихо! Ну! Скажи спасибо, что нос тебе не залепил. Да не дергайся ты! Я сказал, не дергайся!

Павел. Муммм!

Петр Иванович отвечает Павлу оплеуху.

П.И. Тихо, я сказал!

Павел стихает.

П.И. Вот так. Молодец. Молодец.

Петр Иванович разворачивается, подходит к столу, кладет на стол фонарь, становится на стул, поворачивает лампочку. В подвале загорается свет. Петр Иванович спускается со стула.

П.И. Пыльно как, ужас! (*Отряхивает стул от пыли, садится на него, ухмыляется*). Видишь, как я тебя аккуратно обработал. Синяков почти не видно. Если будешь вести себя тихо – скоро поправишься.

Павел (*вновь мычит*). Муммм. Муммм.

П.И. (*поднимает указательный палец*). Если будешь вести себя тихо!

Павел смолкает.

П.И. Бедный мальчик. Ты даже не представляешь себе, как долго я тебя ждал! Всю жизнь. Да, всю жизнь... Ну что, будем знакомиться? ...(*Берет со стола небольшую карточку – студенческий билет*). Сейчас посмотрим. Так, Павел Васильевич Разумов, бла-бла-бла, государственный технический колледж, очное обучение, ага, четырнадцатый год. Это значит – второй курс? Или третий? Второй. Это сколько же тебе лет? Ну, промычи, сколько? Восемнадцать? Девятнадцать?

Павел молчит. Петр Иванович откладывает студенческий.

П.И. Молчишь. Это хорошо. Значит, все правильно понял. Если будешь паинькой, мы с тобой сработаемся. Ну, так вот, Паша, шутки в сторону. Я тебя очень долго ждал. Ты мне, Паша, позарез как нужен. Ты себе даже не представляешь, как ты мне нужен! Ты ведь у меня, Паша, будешь, так сказать, козлом отпущения. Да! Козлом отпущения! Тебе за все придется ответить, слышишь? За все!

Петр Иванович вскакивает, подходит к Павлу, садится на корточки, смотрит Павлу в глаза. Паша отводит взгляд.

П.И. (*ухмыляясь*). За все, Паша, придется отвечать тебе одному. За все, что ты сделал и даже за то, что ты не сделал, и даже за то, что ты не успел сделать. За все! Вот такая у нас с тобой будет история.

Петр Иванович встает, медленно прохаживается.

П.И. (*менторским тоном*). Мы с тобой, Павел Васильевич, беседовать будем. Долго беседовать. Не день, и не два. И не три. Ты ведь у нас, наверное, крепкий орешек, сразу тебя не расколешь. Из тебя, наверное, все клещами тянуть нужно. А? Клещами? Ладно. Когда-нибудь я отклею тебе рот, и мы это проверим. Не сегодня, конечно. Сегодня тебе придется просто слушать меня. Но ты не переживай. Ты хотя бы узнаешь, что тебя ждет.

Петр Иванович подходит к Павлу, поворачивает его лицо к себе.

П.И. Смотри на меня! В глаза смотри! Сколько тебе лет?! Ну! Мычи! Девятнадцать?!

Павел. Угу.

П.И. Хорошо. Очень хорошо. То, что нужно (*Подходит к стулу, садится*). Как это странно разговаривать с человеком, у которого заклеен рот. Видел бы ты себя сейчас! Со смеху бы помер!

Паша поднимает голову, испуганно смотрит на Петра Ивановича. Стонет.

П.И. (*смеясь*). Здоровый, сильный парень, молодец девятнадцати лет! Тебе бы в армию, в танк, в окоп! Тебе бы на баррикады, а ты здесь - сидишь, дрожишь, боишься! Я вижу, как ты боишься. Ну что ж, правильно делаешь. Бойся! Смотри только под себя не наделай, Хорошо? Будь умницей. Кстати, давай договоримся - как только ты захочешь наделать под себя, ты дашь мне знак. Три раза кивнешь головой. Хорошо? Три раза. Ну? Что молчишь? Да не переживай – я ж не изверг, не маньяк. Все будет по-человечески. Я тебе обещаю. Договорились? Ну что, хочешь в туалет? Или нет?

Павел кивает головой один раз.

П.И. Три раза! Я же сказал, три! Ну что, пойдешь?

Павел отрицательно мотает головой.

П.И. Ну нет, так нет. Хотя, знаешь, давай я лучше сразу за ведром сбегаю. На всякий случай. Мало ли чего. Да, ты брат извини. Придется тебе в ведро ходить. Не обессудь.

Петр Иванович встает со стула, поднимается по лестнице, открывает люк, уходит вверх.

Сцена № 2

Павел один. Он пытается освободиться от веревок, дергается, тяжело дышит. Наверху слышны шаги. Павел начинает отчаянно вырываться из оков. Ничего не получается.

Резко открывается люк. Из люка на железный пол с грохотом падает оцинкованное ведро. Паша вздрагивает.

Сцена №3

Петр Иванович сходит вниз с полтора литровой бутылкой воды в руке.

П.И. Не скучал без меня? Вот и правильно. Я тут что подумал. Тебе, наверное, тяжело так сидеть. Утро в самом разгаре, а ты даже не умылся. Нужно следить за собой, Паша, – так и запаршиветь немудрено. Давай я тебе помогу.

Петр Иванович подходит к Павлу, льет ему на голову воду. Павел пытается увернуться, потом смиряется.

П.И. Ну, полегчало? Вот и славно. Тогда давай продолжим.

Петр Иванович подходит к столу, ставит на него бутылку. Снимает пальто, вешает его на спинку стула, садится на стул.

П.И. Хм. Значит так. Ты меня Паша не знаешь, так что не пытайся ничего вспоминать. Ты со мной не знаком. А вот я - я знаком с тобой. Да! Очень хорошо знаком - и с тобой, и с такими как ты, и..не смотри на меня так! Ну! Что смотришь?! (*Берет бутылку с водой, делает несколько глотков*). Прф. Мысли путаются. Хм. Слушай дальше. Прежде чем связать тебя и привести сюда я ведь долго тебя выслеживал. Неделю! Нет. Восемь дней своей жизни я посвятил твоей персоне! Не мало, правда? А началось все с пустяка, с сущего пустяка. Знаешь, на твоём месте мог оказаться всякий, но повезло тебе. Можешь благодарить за это Небо, Судьбу... или в кого ты там веришь?

Петр Иванович достаёт из кармана верёвочку с крестиком, крутит верёвку на пальце.

П.И. Ты ведь, Паша, наверняка глубоко верующий человек. А? Верующий? Православный? Или нет? Молчишь. Ты уж извини, брат, я тебе крестик порвал, когда сюда тащил. Извини. Вот он. Я починил. (*Кладёт крестик на стол*). Видишь, как вышло - мог оказаться всякий, а повезло тебе. Такие дела.

Петр Иванович встает, начинает суетливо ходить по подвалу.

П.И. (*взволновано*). Вот как это было. Восемь дней назад я поехал в магазин за продуктами. Ты знаешь этот магазин - большой красный супермаркет, как раз в том районе где ты живешь. Вспомнил? Ага, вижу, что вспомнил. Так вот, я остановился на перекрестке, вышел из машины, пошел в магазин. На переходе, значит, меня обгоняла толпа каких-то пацанов, малолеток. И вот, один из них, проходя мимо, толкнул меня плечом. Нагло толкнул, нагло! Я промолчал. Зато он не промолчал. Он развернулся и сказал мне в лицо вот такие слова, слушай: «Куда прешь, баран?!» Представляешь? Куда прешь, баран?! Он нахамил мне! Нахамил и... пошел дальше, как ни в чем не бывало! Каково? А? Парень втрое младше меня, обозвал меня бараном, унизил, оскорбил, растоптал меня в пыль. И все при людях! При людях! И знаешь, кто был этим парнем? Знаешь? Да, Паша, это был ты! Что вертишь головой? Именно ты!

Петр Иванович подходит к столу, садится на него.

П.И. Так мы с тобой и познакомились, Павел Васильевич Разумов, студент второго курса технологического колледжа. Кстати, на кого ты там учишься? (*Берет со стола студенческий билет*). Ага. Вот. Специальность, Внимание! Системный администратор! О как! Не токарь, не инженер, не врач, а системный администратор. Отлично! Восхитительно! (*Бросает студенческий на пол*). Должно быть, ты умный парень, а? У тебя, наверное, развито системное мышление? Ты, наверное, в компьютерах разбираешься и вообще у тебя мозги, как говорится, на месте. А? На месте или нет? Наглый умный паренек. Наглый и, главное, умный! Тьфу! Сколько ж вас таких бродит по свету? Сколько вас нарожали! А? Уроды!

Павел. Му.

Петр Иванович жадно пьет из бутылки, сплевывает на пол.

П.И. Му-му, му-му. Злость берет. Ладно. Ты Паша не подумай, что я человек обидчивый. Нет. Я, конечно, обиделся, но тут дело в другом. Дело в том, что на хамстве твой подвиг не закончился. Нееет! Я зашел в магазин, купил какую-то мелочь, собрался было идти домой, и тут, на выходе, вновь заметил тебя в компании этих твоих дружков! Заметил! Трудно было не заметить, Паша. И что же я увидел? Ты, наверное, не помнишь этого - для тебя это ерунда. Так я расскажу тебе. Перед моими глазами предстала следующая сцена: Павел Разумов со своими дружками бил какого-то мальчика. Мальчик плакал, Паша. Он плакал, а вы выбивали из него деньги. Да-да! Я видел, как ты держал его за локоток, а он, как покорная овечка, вынимал из кармана банкноты. Мелочь какую-то. Ну, сколько он вам дал? А? Сто рублей, пятьдесят? А? Сволочь, сколько ты отобрал у него?

Петр Иванович берет со стола бутылку, швыряет в Павла.

П.И. Сколько? Сто? Пятьдесят? Ага, припоминаешь, да? (*Садится на стул, обхватывает голову руками*). Уф. Как вспомню, меня аж переворачивает. Трясет меня всего, понимаешь?! Ну, так вот. Я не вмешался. Не хватило мне духу. Струсил! Здоровый мужик, а струсил. Ненавижу себя за это. Ненавижу! Надо было тебя убить на месте!

Петр Иванович вновь вскакивает, пинает лежащую на полу бутылку в Павла. Павел пытается увернуться. Петр Иванович разворачивается, идет к левой стене подвала.

П.И. Струсил я, Паша, струсил. Но я решил больше не трусить. Я решил взять тебя живьем! Я, Паша, твердо решил отомстить тебе. Понимаешь? Отомстить за все! (*Присаживается у стены на корточки*). Я сел в свою машину и стал следить за тобой. Я видел все, что вы делали - пили, тискали девок, потом зашли в какой-то подъезд. Я ждал. Долго ждал. И оказался вознагражден. В первом часу ночи ты вышел из подъезда и отправился в другой двор. Я запомнил все – дом, подъезд. Я видел, на каком этаже

загорелся свет. Я вычислил номер квартиры... Я чувствовал себя агентом ФСБ. Очень паршивое, к слову сказать, чувство. Но я не мог отпустить тебя, Паша, не мог! На тебе весь свет клином сошелся. Вот так мы с тобой и познакомились... А ведь все это могло и не произойти. Сидел бы ты сейчас дома, с мамочкой и все было бы хорошо. Аннет, видимо тебе на роду ...

Раздается телефонный звонок. Обыкновенный сигнал сотового телефона. Телефон звенит в Пашином спортивном костюме. Павел испуганно смотрит то на карман костюма, то на своего мучителя. Петр Иванович замер. Снова звучит сигнал. Звонки прекращаются.

Петр Иванович медленно подходит к Павлу.

П.И. Странно. И под землей нас нашли. Ну, давай посмотрим, кто тебе звонит. Так-так. Черт, как пользоваться этой штукой? Как вы пользуетесь этими аппаратами? Ага, вот. Муха! Очень хорошо. Муха - прекрасное имя. Женское? Мужское? Мужское, да? Конечно. Кличка такая. Муха - цокотуха. Муха по полю пошел, муха денюжку нашел.

Звучит сигнал СМС сообщения.

П.И. (удивленно). Опять Муха! Интересно, интересно. Ты меня прости, Павел, но я прочитаю, ладно? Ты не против? Да не бойся, просто прочитаю одно сообщение. Итак, Муха пишет - внимание! - ты чо ваще?! Ты чо ваще! И всё? Видимо, да. Краткость - сестра таланта. Нет, ей Богу, талантливо написано! Ты чо, через «о». Ваще, через «а». (*Разводит руками*). Не знаю, что и сказать Паша. Очень сложный вопрос тебе Муха задала, то есть задал. Что же нам теперь делать? Знаешь, я, пожалуй, у тебя телефон заберу. На время только, не переживай. Но нам с тобой надо...

Вновь раздается звонок. Петр Иванович едва не выпускает телефон из рук.

П.И. Опять Муха звонит. Чего это он разжужжался? Что ему надо? Ты, наверное, с ним договаривался сегодня пойти куда-нибудь? А? Кивни головой! Договаривался или нет? Договаривался, значит. Хорошо. Значит, он тебя ждет, так? Угу.

Звонки прекращаются.

П.И. Надо ответить Мухе. Надо его успокоить. Мы с тобой, Паша, должны ему написать. Написать так, чтобы он больше не звонил, чтобы у него все подозрения отпали. Понимаешь? Вот так. Ну, что писать будем?

Петр Иванович подходит к Паше, садится на колени.

П.И. Я сейчас отклею тебе рот. Я сделаю это только для того, чтобы ты сказал мне правильное слово. Если ты скажешь что-нибудь не то, я тебя накажу. Тебе будет больно, Паша. Поэтому ты должен постараться. Говори кратко и точно. Как твой друг Муха. Запомнил? Кратно и точно. Молодец. Так вот, Муха спрашивает: Ты чо ваще? Это очень

сложный вопрос. Ты должен ответить ему так, чтобы он ничего не заподозрил? Сосредоточься. Сосредоточься, говорю! Готов? Давай, Ты чо ваще?!

Петр Иванович отклеивает скотч. Павел хрипит что-то невразумительное.

П.И. Отвечай. Отвечай гад! Отвечай!

Павел (*глотает воздух, хрипит, заикается*). Я, я, я.

П.И. Что я? Что я? Отвечай! Я, что? Что я?!

Павел (*заикаясь*). Я, я, я не-не-неприду!.

Петр Иванович дает Павлу пощечину, заклеивает рот.

Павел. Муммм.

П.И. Неправильный ответ, Паша. Неправильный! Я же просил тебя - сосредоточься. Просил? А ты, что? Какое к черту не приду? Вот, смотри, Муха твой задает вполне конкретный вопрос: Ты чё ваще? А ты даешь ему очень расплывчатый ответ: Я не приду. Это вообще не ответ! Понимаешь? Он сразу почует неладное. Я не приду. Куда не приду? Почему не приду? Это неправильный ответ. Давай еще раз попробуем. Ну, готов? Давай. Раз-два-три.

Петр Иванович отклеивает Павлу рот.

Павел (*громко, но по-прежнему заикаясь*). О! О! О!

П.И. Давай, давай, ну же!

Павел. О! О! О!

П.И. Ну, рожай же!

Павел. Отвали!

Петр Иванович заклеивает Паше рот, хлопает в ладоши.

П.И. Bravo! Ответ засчитан! То, что нужно! Ты чо ваще! Отвали! Молодец, Пашка. Отвали! Сообщение отправлено. Уф. Молодец, справился с давлением.

Звучит сигнал СМС. Петр Иванович смотрит на телефон.

П.И. А вот и ответ! Посмотрим. Отлично! Всего одно слово – Козел! Ай да Муха, ай да сукин сын! Видишь, Паша, даже Муха понимает, что ты, извини меня за выражение, козел. А я что говорил? Козел отпущения. Да, да. Ну что ж будем тебе отпускать твои грешки.

Петр Иванович подходит к столу, кладет телефон.

П.И. У тебя ведь много грешков, Паша. Признайся честно, много? Много, я знаю. Я ведь восемь дней за тобой наблюдал. Восемь дней. И нравился ты мне Паша с каждым днем все меньше и меньше. Ты был отвратителен: пьян, груб... тьфу! животное! Знаешь, я ведь видел, как твоя мамочка целовала тебя, когда вы выходили из подъезда. Видел, как она одергивала тебе брючки и снимала ниточку с твоей куртки. Она наверняка думает, что

ты умничка, что ты ходишь на учебу, да? В этот твой великий колледж, в это твое Сибирское Сколково! Но ты ведь не шел туда, верно? За неделю ты был в своем ПТУ только один раз. Ну да черт с ним с ПТУ, черт с твоей пьянкой, с девками, со всем этим похабством! Черт, черт, черт! А вот маму, Паша, нехорошо обманывать. Это грех!

Петр Иванович порывисто встает со стола, подходит к Павлу.

П.И. Нельзя, Паша, маму обманывать. Ты ведь не маленький мальчик, верно? Здоровый жлоб! Смотри, какой бицепс. А трицепс у тебя какой?! Ты ведь просто Тайсон. Я, кстати, видел, как ты дерешься, видел. Зачем ты ту девку ударил?! А?! Девку эту тощую в зеленой крутке! За что ты ее бил? Я тебя спрашиваю? За что? Как собачонку пинал ее! Хочешь я на тебе это повторю? Хочешь? Ну, давай!

Петр Иванович берет цинковое ведро, одевает его Павлу на голову.

П.И. Сейчас! А эти твои друзья – я бы вас всех, всех... Ты думаешь, я добренький дядя, лекции тебе читать буду. Сейчас я тебе покажу лекции. Сейчас я тебе покажу девятый круг Ада, ягодицы сатаны! (*Берет бутылку и со всей силы бьет по ведру*).

Павел (*мычит*). Мммууу!

П.И. (*ходит кругами вокруг Павла*). Мне такие как ты всю жизнь испортили! Всю жизнь! Я вас хорошо знаю, я вас изучил. Все вы потом в люди выбиваетесь, прете, как танки, занимаете теплые местечки, жрете, пьете, плодитесь, отрываетесь. И все за чужой счет! За чужой счет!

Петр Иванович вновь бьет бутылкой по ведру.

Павел (*мычит сквозь ведро*) Ууу!

П.И. (*порывисто*) Я помню, в школе был у меня одноклассничек такой же, как ты, вот точно такой же. Привел он как-то своих дружков и говорит – будешь мне сука алгебру делать, а не то я тебя лицом в унитаз засуну!

Петр Иванович бьет Павла снова. Павел вновь мычит.

П.И. (*кричит*). И засунул тварь! В шестом классе засунул! И я тебя засуну, ты понял? И ты у меня будешь алгебру решать! Я тебе Богом клянусь – будешь мне десятичные логарифмы без калькулятора брать! Я научу тебя, научу! Научу!

Петр Иванович колотит бутылкой по ведру. Павел смолкает. Петр Иванович снимает ведро, испуганно смотрит на Пашу, трясет его.

П.И. (*громко*). Эй, ты чего? Паша! Ты чего молчишь? Паша, Паша, очнись! (*Бьет его по лицу ладонью*). Паша, ты живой? Паша! Матерь Божья!

Петр Иванович вскакивает, бежит к лестнице, поднимается наверх.

Сцена №4

Паша в бессознательном состоянии склонил голову на грудь.

Наверху слышен шорох, грохот посуды, шум воды.

Сцена №5

Петр Иванович спускается по лестнице с металлическим чайником. Вода периодически выливается из носика. Петр Иванович подбегает к Павлу, льет ему воду на голову. Павел одергивает голову.

Петр Иванович садится на колени, льет воду из чайника на себя.

П.И. Фу! Живой! Живой, подлец! Живой! Такие не умирают. Такие дольше всех живут.

Петр Иванович отклеивает Павлу рот.

Павел (*тихо*). Не-не-не бейте, не бейте меня. По-по-пожалуйста.

П.И. Тихо, тихо, все хорошо. На, попей. Попей водички. Вот так.

Петр Иванович поит Павла из чайника. Паша жадно пьет воду.

П.И. Не буду я тебя бить, не буду. Попей, попей водички. Ну, все. Прости меня, не выдержал. (*Отставляет чайник, прижимает Павла к себе, гладит его по голове*). Отдохни. Отдохни немного, поспи. Тебе поспать надо. Хорошо? Не буду тебя бить. Не буду. Я позже приду и мы с тобой просто поговорим. Как друзья. Как братья. Как отец и сын. А сейчас, отдыхай Паша, отдыхай.

Павел тяжело дышит, начинает плакать.

Петр Иванович встает, берет чайник, идет к столу, включает фонарь, надевает пальто, залазит на стол, выключает свет. Фонарем освещая дорогу, он взбирается по лестнице. На последней ступени направляет фонарь на Пашу.

Паша тихонько всхлипывает в углу.

П.И. Отдыхай, Паша, отдыхай. И я отдохну.

Петр Иванович уходит. Люк закрывается. В подвале наступает темень. Капает водица.

Павел (*шепотом*). Мама, мама, мамочка.

Люк на секунду открывается и снова захлопывается.

Павел (*кричит*). Ааа!!!

Действие второе.

Сцена №1

В подвале включается свет. Петр Иванович стоит на столе. На нем - серые брюки и белая рубашка. Он одергивает руки от горячей лампочки.

П.И. Да будет свет!

Павел вздрагивает в углу.

Петр Иванович спускается со стола, поднимает с пола большой целлофановый пакет с провизией.

П.И. Так. Сейчас посмотрим, что тут у нас. (*Достает из пакета продукты*). Колбаса Краковская, вот, яблоки, сыр, сок вишневый. Хорошо. Вино красное «Мольтепульчиано д'Амб... д'Амбруцо». Очень хорошо. Зелень, помидоры, шоколад.

Паша ворочается в углу. Рот его отклеен. Руки по-прежнему связаны.

Павел (*тихо*). Отпустите меня. Отпустите, пожалуйста.

П.И. (*с удивлением оглядываясь на Пашу*). Проснулся, значит. Доброе Утро!

Паша (*умоляюще*) Ну, пожалуйста, отпустите.

П.И. Что это ты разговаривался? А? Я, кажется, не разрешал тебе рот открывать. Я тебе его отклеил, чтобы ты дышал свободнее, а не разговаривал.

Павел (*озлобленно*). Отпусти меня! Отпусти, я сказал!

П.И. Вот это поворот! Ты мне не тыкай тут, Павел Васильевич, не тыкай.

Петр Иванович берет со стола колбасу подходит к Павлу, презрительно смотрит на него, подносит колбасу к Пашиному рту.

П.И. Я тебе, значит, поесть принес колбаски, помидорчиков, а ты что? На, понюхай, вкусно пахнет? Вкусно? То-то! Что ж ты мне тычишь тогда? Или хочешь, чтобы я тебе это отверстие, которым ты мир оскверняешь, снова скотчем залепил? Выбирай – или колбаса или скотч!

Павел (*плаксиво*). Мне домой надо.

П.И. Эх Паша, Паша. Всем домой надо. И мне тоже надо. Меня, между прочим, дома жена ждет, дочка. Но есть, знаешь ли, дела и поважнее. Мне, Паша, обязательно нужно с тобой разобраться. Обязательно! Я ведь для этого даже отпуск взял! Так что не доводи меня, ешь колбасу. Или я уйду сейчас. Уйду и будешь сидеть здесь пока голодной смертью не помрешь.

Павел хнычет и ест колбасу из рук Петра Ивановича.

П.И. Вот так. Вот так. Умница.

Петр Иванович разворачивается, идет к столу, берет бутылку вина.

П.И. Сейчас запить дам. Да не хнычь ты! Вот только штопор не нашел. Нет у этой старухи штопора. Ну, ничего. Чай мы не гордые.

Петр Иванович продавливает пробку пальцем внутрь бутылки.

П.И. Опа! Вуаля сильву пле! Вино д'Италия! Прего! Кома тью? Ты Паша до этого момента всякое дерьмо пил. А сейчас я тебя научу хорошим манерам.

Павел. Меня мать ждет!

Петр Иванович подходит к Паше подставляет ему бутылку к горлу.

П.И. Пей! Мать ждет. Бедная твоя мать! Пей давай! Она ведь думает, что ты - лапочка, единственный сыночек. А ты... Ты ведь обманывал ее, Паша. Ты ведь пропадал ночами, беспределил, а теперь вдруг маму вспомнил. Надо было раньше маму вспоминать! Раньше! А сейчас уже поздно. Сейчас - пей давай! Мольтепульчано д'Амбруцо! Вина Италии, твою мать!

Петр Иванович льет вино Паше в горло. Вино стекает по спортивному костюму.

П.И. Ну что, нравится? Тот-то же. Вино – благородный напиток. И человек, Паша, должен быть благородным. Человек, Паша, только тогда человек, когда он аристократ, духовный аристократ, нравственный. В человеке, как говорится, все должно быть прекрасно, и то, что входит в него. Молодец, еще глотай.

Павел (*сплевывает*). Хватит! Тьфу!

П.И. (*не оставляется*). И особенно то, что выходит.

Павел. Хватит, У-у-урод!

П.И. (*отставляет бутылку, удивленно смотрит на Павла*). Так, стоп! Ну-ка, повтори! (*Поднимает руки*). О, Господи, свершилось! Сколько лет я мечтал взять и сказать любому хаму – ну-ка, повтори! Ну, давай, повтори! Давай, я слушаю!

Павел (*тихо*). Хватит. Пожалуйста.

П.И. Опять ведро на голову захотел? Ну?! То-то же. Не хами мне, Павел, я этого хамства натерпелся в жизни, я его на дух не переношу!

Павел (*тихим голосом*). Отпустите меня. Зачем вы меня держите?

П.И. Я же тебе вчера объяснял. Не помнишь? На, выпей еще! И поспокойней, поспокойней. Сбавь обороты.

Павел (*робко*). Да что вам надо от меня?!

П.И. Значит, не помнишь. Ну что ж, повторю. Ты, Паша, последнюю неделю очень плохо себя вел. Но это еще не все. Я подозреваю, что ты всю жизнь себя плохо ведешь. Мне кажется, что ты, Паша, плохой человек. Что ты даже не человек, а так... дрянь! мусор! И не ты один! В этом мире таких как ты – миллионы. И мир терпит это. Но когда-то терпению должен прийти конец. Иначе невозможно! Должен прийти конец! И он пришел! Я понял это. Я понял, что я должен это остановить!

Павел (*испугано*). Вы сумасшедший! Вы - псих!

П.И. (*улыбаясь*). Вот! Я тоже себе так говорил. Но нет, я не сумасшедший. Мне, Паша, выпал шанс все исправить. А тебе выпал шанс быть первым на этом пути. Ты, Паша, мелкий человек, сошка. Но не в этом дело. Дело в том, что в таких вот мелких

сошках все зло мира и спрятано. С вас оно начинается, с вас. (*Порывисто*). А я уже сыт по горло этим злом! Я хочу отвести на нем душу. Я всю жизнь терпел, всю жизнь мечтал отвести на ком-нибудь душу! У меня эта душа поперек горла стоит. Ей выхода нет!

Павел. Да что за херню ты несешь!?

П.И. Опять! Ведра захотел?!

Павел. Не надо!

П.И. (*вскипает*). Не ты, а вы! Запомни! Я ведь старше тебя. Это ведь очень просто, с этого все начинается – говорить старшим вы! Ты понял меня, Павлуша? Ну-ка повтори. Вы, вы, вы!

Павел. Вы.

П.И. Не виии, а вы! Четко, уверенно! Вы!

Павел. Вы.

П.И. Вы!

Павел. Вы!

П.И. Вы!

Павел. Вы!

П.И. Что вы? Что вы? Что вы?!

Павел. Говорить старшим вы.

П.И. Ух. Какой ты тяжелый. Вот вроде бы уже благородные напитки пьешь, а толку от этого нет. С вами так всегда. Вот ты потом вырастешь, в люди выбьешься, да? Какие у тебя там мечты? Костюм дорогой? Машина? Женщины? Самолет? Да? А внутри – холоп, невежд, элементарных вещей не знаешь! Запомни раз и навсегда – аристократом, Паша, не за деньги становятся, не по крови. Аристократизм должен быть в душе человека! Понял меня! (*Дает Павлу пощечину*). И смотри – я тебя научу быть аристократом. Я тебя буду ведром учить. Ведро уже полное. Так что лучше не ошибайся. На голову вылью!

Павел (*испуганно*). Да кто вы такой?

П.И. Кто такой, кто такой... Зови меня просто. Петр Иванович. Петр Иванович Вяземский. Слышишь? Петр Иванович Вяземский.

Петр Иванович глотает вино из бутылки, идет к столу, роется в пакете.

П.И. У нас еще фрукты есть. Хочешь яблоко?

Павел. Какой Петр Иванович? Какой Вяземский?

П.И. (*кусая яблоко*): А не все ли равно? Ну, хорошо, давай так. Я мститель. Это тебя устроит? Мсти-тель!. Я Паша буду тебе мстить за то, что ты такой, какой ты есть.

Павел. Чо вам нужно то, вообще? Чо вы хотите от меня?

П.И. . Чо, чо, чо! Не суетись. Не суетись. Всему свое время. Хм. Что я хочу? Я хочу, Паша, только одного - выбить из тебя всю дурь, все, что я увидел, всю эту грязь, всю эту пакость! Понимаешь о чем я?

Павел. Ничего я не понимаю. Вы меня убьете? Убьете да? Не убивайте меня! Пожалуйста, не убивайте!

П.И. И кто из нас сумасшедший? Как я могу убить тебя? Я же твой ангел, Паша. Только не ангел хранитель, нет. Я ангел мститель. Бывают такие. О них никто не догадывается. Люди привыкли думать, что им все сойдет с рук. Натворят дел, молитву пробормочут, свечку поставят и готово. Ты ведь тоже свечки ставил? А? Помогало? А тут не поможет. Нет! Понимаешь, у каждого человека есть ангел мститель. Он все помнит, все у него записано, он ничего не прощает. Приходит время, Паша, и ангел этот вырывает из человека все его зло. С корнем вырывает. С кровью. Только так, Паша, можно человека вылечить. А иначе умер бы человек. Умер. Так что не бойся, я тебя не убью. Я тебя лечить буду.

Павел (*кричит*): Чего тебе надо от меня! Отпусти меня! Пидор проклятый! Ты голубой что ли? Я тебя...

П.И. Что? Что ты меня? Забыл, где находишься? Посмотри вокруг –подвал, стол, стул. Полки вон железные. Руки твои связаны. А если надо и рот тебе заклею. Ты, Паша, в моей власти. Мы ведь с тобой, Паша, на даче. Это дачный поселок! Здесь никому до тебя дела нет. Люди морковку сажают, капусту тяпают. Так что кричи, не кричи – шиш. Никакого эффекта. Хочешь, проверим? Давай, кричи!

Павел (*кричит*). Помогите! Помогите!

Петр Иванович подходит к Павлу, садится рядом.

П.И. Молодец. Хорошо кричишь. Только бесполезно это все. Бесполезно. На вот лучше яблоко откуси. Ну, не хочешь, как хочешь. А на счет пидора – это ты не угадал. Не дожدهшься. Мне твое тело вовсе не интересно. Я твоей душой буду заниматься, душой.

Петр Иванович кусает яблоко, прожевывает.

Павел. Помогите! Господи, помогите!

П.И. Ты вот все спрашиваешь, кто я такой. Ну хорошо, я тебе немного о себе расскажу, чтобы ты понимал. Я, Паша, человек... конченный человек я. Мне терять нечего. У меня, конечно, и семья есть, и работа. Да только я все это ни во грош не ставлю. Мне Паша зло спать не дает. И пока я его не сломаю, я не успокоюсь.

Павел (*тихо*). Помогите. Помогите...

П.И. (*предлагает ему яблоко*). Кусай. Ну? (*Паша долго смотрит на яблоко, потом откусывает*) Вот молодец. Все лучше, чем орать во все горло.

Петр Иванович запивает яблоко вином, предлагает бутылку Павлу. Павел отрицательно мотает головой. Петр Иванович пьет сам.

П.И. Слушай, можно вопрос? А? Можно? У тебя Паша было детство? Было у тебя что-нибудь светлое, святое? Ты когда-нибудь жил в раю? Ну, что молчишь? Было детство или нет?

Павел. Ну, было.

П.И. Быбы-ло. Телок. Ты, наверное, хороший мальчик был, а? С кудряшками такой. Не то, что сейчас. Ну, посмотри на себя - лысый уголовник. Тьфу! У матери твоей, наверное, до сих пор твой портретик висит из детского сада, с пухлыми щечками, а? Ты там такой славный, в гусарской форме, должно быть. Или матрос? А? Кем ты был в садике?

Павел. Космонавтом.

П.И. Космонавтом... Вот и я, Паша, был космонавтом. Добрым таким, наивным космонавтом. Как и ты. А потом? Что с тобой потом стало? Куда улетел твой космонавт?.. Молчишь. Тогда я тебе расскажу, куда мой улетел. Ты меня слушаешь?

Паша кивает головой.

П.И. Был я, Паша, юн и прекрасен. И мама меня любила. И папа любил. И я их любил. Идиллия. Рай! А потом... потом я этот рай разрушил. Я, Паша, украл деньги. Украл деньги у матери, понимаешь? Я, конечно, сам бы не додумался. Меня дружок мой надоумил. Но не суть. А суть в том, что у дружка этого, Паша, были солдатики импортные, пластмассовые, а у меня - советские, оловянные. Что так смотришь? Да, да. Солдатики меня и сгубили. Друг этот сказал мне – хочешь пластмассовых солдатиков, принеси мне денюжку. Я долго думал, где мне ее взять, денюжку то эту. Да я вообще не знал что такое деньги! Я их в руках не держал никогда. А потом вспомнил. Вспомнил, где родители деньги эти хранят. Я видел один раз, как мать туда их прятала. На антресоли, в шкафчике кухонном. И вот, страшно сказать, стал я лазить на эту антресоль. Подставлю табуретку и готово! Вот так, смотри.

Петр Иванович подходит к стулу, становится на него, тянется руками к потолку.

П.И. Вот так. Сам-то маленький ростом был, еле дотягивался. Но дотягивался. Вот так. Один раз залез, дотянулся, второй раз дотянулся. И пошло поехало. Ты меня слушаешь?

Павел. Я не понимаю ничего. Зачем вы мне это рассказываете?

П.И. *(слезает со стула).* А сейчас поймешь. Поймешь сейчас. Брал я, значит, деньги и покупал всякую гадость. Солдатиков этих. Ну, сначала это были просто солдатики, а потом больше – шоколад, Сникерсы всякие, Марсы, конфетки, жвачки. Жвачки тогда были в большой цене. И сам ел и других угощал, хвастался. А потом больше. Начал я

Паша драться, злой стал. Выйду во двор - сидит малыш какой-нибудь. Подойду к нему и дам ему пинка. Вчера шоколадку давал, а теперь - пинка. Имею, так сказать, полное право. А потом еще больше – начал отбирать у ребят с соседнего двора деньги. Велосипед один раз украл. Зло во мне поселилось, проросло корнями. Мне было то десять лет! Десять лет всего! (*Схватывается за голову*). Эх! А потом, слушай. Потом прихожу один раз домой, а мать дома уже, с работы пришла раньше времени. Она у нас на двух работах работала. И в техникуме училась. Отца мы и не видели – командировочный. Все мать. Деньги, что я крал, их в обрез было. Мы одни макароны ели. Не то, что сейчас. И прихожу я домой - мать стоит. И табуретка у антресоли стоит. И дверка у антресоли открыта. Забыл я табуретку убрать, понял? Когда деньги то взял! И дверку забыл закрыть. А мать плачет, и не говорит ничего. И так мне стыдно стало, Господи, боже мой! Так стыдно! Сломался я, Паша, сломался. Слышишь? Мать моя стоит и рыдает. И я не выдержал. Не выдержал! Я ведь мать родную грабил, мать родную, отца, сестру – всех нас грабил. Сволочь проклятая! И тут - все, не смог я больше. На коленях, на коленях перед матерью ползал. Не смог больше ни красть, ни обманывать. Сломался я, Паша, на всю жизнь сломался. Я, Паша, никогда в своей жизни больше не крал. Никого в жизни не ударил. А надо было красть, надо было бить, чтобы смело идти по этой вонючей жизни! Смело идти, а не ползать на коленях!

П.И. (*подходит к Павлу, толкает его в плечо*). Бить надо было, бить! Как ты бьешь! Как ты лупишь всех!

Павел. Не надо, не бейте меня, не бейте меня, не надо!

П.И. (*продолжает бить Пашу, потом резко останавливается*). И я, Паша, тряпкой стал, тряпкой, размазней. Об меня, Паша, всю жизнь ноги вытирают! А мне сорок лет уже, сорок лет, а я тряпка!

Петр Иванович берет Павла за грудки, трясет.

П.И. Говори честно, ты крадешь у матери? Где она у тебя работает?!

Павел. На мясокомбинате.

П.И. Крал у нее? Крал когда-нибудь? Отвечай, паскуда, крал?!

Павел. Ничего я не крал, не крал, не крал!

П.И. Отвечай! Крал?!

Павел. Да, да, да! Не бейте меня! Крал! Крал! Крал!

П.И. (*бросает Павла*) Вот! Видишь! Видишь, как тяжело эту дурь выбить. Тяжело сознаться себе в такой простой гнусности. Ну, ничего. И мне тяжело было Паша. Очень тяжело.

Павел (*зло*). Отвали от меня! Отстань от меня! Ты, ты – лох проклятый! Ты - чмошник, педик, извращенец ! Отвали, отвали от меня!

П.И. Опять начинается. Ты что, забыл первую заповедь? Не ты, а вы! Вы, вы, вы, вы! Зови меня вы! Вы – Петр Иванович Вяземский! (*Замахивается на Павла винной бутылкой*). Зови меня вы и только вы! Повтори!

Павел. Вы.

Петр Иванович бросает бутылку на пол. Бутылка не разбивается. Павел зажимается от страха.

П.И. (*подходит к столу*) Все, хватит! Ты меня вывел из себя. Хватит нюни распускать. Сейчас ты у меня за ум возьмешься. Сиди тихо! Понял меня?! Тихо!

Петр Иванович собирает продукты обратно в пакет.

П.И. Пообедали и хватит.

Петр Иванович берет с пола маленькую черную сумку, достает из нее небольшой магнитофон.

П.И. А теперь – сиди и слушай. Я из тебя сейчас человека делать буду. Ты у меня сейчас шедевры слушать будешь! Понял? Я тебя научу хорошее от плохого отличать. Научу!

Начинает звучать музыка – Малер, цикл «Песни об умерших детях», «Wenn dein Mütterlein».

Петр Иванович берет пакет с провизией, залазит на лестницу.

П.И. Я сделаю из тебя человека. Сделаю! Я тебя вылечу. За две недели вылечу!

Петр Иванович поднимается по лестнице, оставляет люк открытым.

Сцена №2

Продолжает звучать Малер. Паша мотает головой. Пытается освободиться.

Павел. Урод. Урод проклятый. (*Кричит*). Да выключи ты это дерьмо!

Сверху раздается голос Петра Ивановича.

П.И. Сиди смирно, неуч!

Сцена №3

Из люка на пол падает пластиковая офисная доска для записей. Петр Иванович спускается по лестнице с рулоном бумаги. Он подходит к столу, выключает музыку.

П.И. Хорошего помаленьку. Это, между прочим, Малер. Привыкай! А сейчас учиться будем. Что молчишь, студент? Соскучился, поди, по учебе.

Петр Иванович устанавливает доску, прикрепляет к ней бумагу, достает маркер.

Павел. По какой учебе?

П.И. Ну, ты же учишься у нас, а учебу нельзя запускать. Нельзя. Ты думаешь, раз в своей шараге халявил и здесь такое пройдет? А?

Павел. Я не халявил.

П.И. А это мы сейчас и проверим.

Петр Иванович устанавливает стул у доски, садится.

П.И. Знаешь, Паша, кто я есть в обычной жизни? Я учитель. Вернее, преподаватель математики в университете. Преподаю матанализ для таких вот отморозков как ты.

Павел. Я не отморозок.

П.И. И это мы проверим, не переживай. Значит так. Я, Паша, преподаю уже не первый год. И ничего у меня не выходит. Таким как ты, оказывается, не так нужно преподавать. Я это только сейчас понял. Вам же не нужно ничего, вы же ради корочки, номер отбиваете. А я так не могу. Я сейчас на тебе новую методику испытывать буду. Вернее старую.

Павел. Какую еще методику?

П.И. Здесь вопросы задаю я! Понял? Молодец. Вот скажи мне, Паша, учишься ты на третьем курсе...

Павел. На втором.

Петр Иванович рисует на листе бумаги экспоненциальную кривую.

П.И. Ну на втором, не суть. Значит, скажи мне - что это? Что это, Паша?

Павел. Да не знаю.

П.И. А ты подумай.

Павел. Рисунок какой-то.

П.И. Нет, ты глубже думай, глубже.

Павел. Да не знаю я!

П.И. Хорошо. А это что?

Петр Иванович рисует параболу.

Павел. Хм. Это?

П.И. Ну, системный администратор. У тебя математика была в школе?

Павел. Ну, была.

П.И. И что у тебя по математике?

Павел. Четыре.

П.И. Значит ты ударник, так?

Павел. Как это?

П.И. Очень просто, сейчас объясню. Ты у меня будешь ударником. Если неправильно ответишь - я тебя буду ударять. Вот такая это методика – старая, добрая, проверенная годами методика. За неправильный ответ - удар. Все очень просто. Ну, понял, что такое ударник?

Павел. Понял.

П.И. Ну, тогда давай, шевелись. Что это такое, системный администратор? Что это?

Павел. Да не знаю я! Линии какие-то.

П.И. Линии какие-то. А какие именно линии?

Павел. Не помню! Ни черта я не помню!

П.И. Да ты, Паша, даже не ударник. Мне тебя даже ударять жалко. Видишь, какова цена твоей четверки! Как же ты ее получил, а? Как получил, я спрашиваю?!

Павел. Сдал ЕГЭ, экзамен там, мне четыре и поставили.

П.И. Так. А теперь расскажи, как ты этот свой ЕГЭГЭ сдал?! Купил, поди? Или наехал на кого? А? Наехал?

Павел. Да.

П.И. Что да? Наехал? Помогли? Так я тебе сейчас тоже помогу. Я на тебя наеду! Или ты от меня откупишься? Взятку мне дашь? Ну, что дашь мне взятку? Или наехать?

Павел. Это кривые.

П.И. Да что ты заладил – рисунки, линии, кривые. Какие кривые то? Как они называются, ну?

Павел. Да что вам надо?! Зачем мне это?

П.И. Нет уж, Павлуша. Назвался груздем - полезай в кузовок. Какие кривые?! Быстро!

Павел молчит. Петр Иванович замахивается на него рукой. Павел отворачивает голову.

П.И. Вот! Видишь, как работает моя система? Я еще руку поднять не успел, а ты уже голову склонил. Преклонил ее, так сказать, перед наукой. Это хорошо. Значит готов к знаниям, готов!

Павел сплевывает в пол со злости.

П.И. В прошлом году один студент мне на экзамене стал угрожать. Сказал, что у меня будут проблемы, если я ему не поставлю то, что он хочет. Такой умненький мальчик, не побоялся сказать. А я побоялся! Побоялся! А теперь я не боюсь, понял?! (*Вновь замахивается*). Где здесь парабола?! Быстро!

Павел (испугано): Первая – парабола. То есть вторая.

П.И. Вторая. Вот видишь? Чудеса! Моментальный результат. А уравнение это какое?

Павел. Простое.

П.И. Не зли меня, Паша. Давай, включайся в учебу! А то смотри - ведро готово. Ну?

Павел. Да не знаю я! Не знаю! Не знаю!!! Что вы мучаете меня? Что вы мучаете? Это линия, кривая, зачем это надо вообще, зачем это надо?!

П.И. Ну вот. Приехали. Так зачем же ты учишься, Паша, если тебе это не надо? Кто тебя науськал? Ну, пил бы свое пойло, тискал бы девок – учиться то зачем?

Павел. Чтобы профессия была.

П.И. Какая профессия, если ты параболу от экспоненциальной кривой отличить не можешь? А это что?

Петр Иванович рисует на доске логарифмическую кривую.

Павел. Кривая.

П.И. Если ты сейчас не ответишь что это за кривая, я тебя заставлю ее съесть. Ты ее вкус почувствуешь, понял? Вам понятно, студент второго курса Павел Разумов! Я заставлю ваш разум работать!

Павел (*заикаясь*). Ги-ги-гипербола, что ли.

П.И. Неправильно, умник! Неправильно!

Петр Иванович срывает с доски лист, подходит к Паше, комкает бумагу в руках.

П.И. Это, к твоему сведению, логарифмическая кривая. Ешь!

Павел. Сам ешь, придурок!

П.И. Ешь, я сказал!

Петр Иванович комкает лист, запикивает его Павлу в рот. Павел сопротивляется.

П.И. Ну, что? Вкусная кривая, Паша? Нравится тебе математика? Ты думал, дал кому-нибудь по горбу и готово? Нееет! Науку, Паша, нужно живьем жрать, нужно ее плоть почувствовать, тогда она в тебя войдет. А иначе, ты халявишь. Халявишь, Паша. А я халявщиков не люблю. Из-за таких, как ты халявщиков!..

Павел (*отплевывается*). Тьфу! Козел! Ты - козел!

П.И. Ты, я смотрю, осмелел. Все заповеди наши нарушаешь.

Павел. И буду нарушать! Буду! Развяжи меня! Развяжи меня, сволочь!

П.И. Тихо!

Петр Иванович берет в руки доску, замахивается на Павла

П.И. Тихо я сказал! Не выводите меня!

Павел смолкает. Петр Иванович ставит доску на место, поправляет свою одежду.

П.И. Давай так договоримся. Я тебя развяжу. Но не сразу. Вот сдашь мне экзамен, и я тебе руки развяжу. А пока - сиди и учись! Понял?

Павел (*испугано*). Какой экзамен?

П.И. После узнаешь. Пошли дальше. Вот мы с тобой сейчас коснулись очень важной темы - темы логарифмов. Так?

Павел. Какой экзамен то?

П.И. Что такое логарифм, я тебя спрашиваю! Отвечай, студент.

Павел молчит, опускает голову.

П.И. Не знаешь. Где ж тебе знать, ты же ударник у нас!

Павел. Это буквы такие, Л и Г.

П.И. Буквы? Ну, допустим. А что эти буквы означают?

Павел (*пожимает плечами*). Не помню.

П.И. Слушай внимательно, этот вопрос может попасться на экзамене.

Павел. Да на каком еще экзамене?

П.И. У нас с тобой скоро будет экзамен.

Павел. Это как?

П.И. Ну, хорошо, рассказываю в двух словах. У тебя, Паша, будет шанс выйти отсюда человеком. Человеком! На экзамене мы это и проверим – стал ты им или нет. Если стал – ты свободен. А если останешься таким же вот, лоботрясом – я тебя не отпущу. Я тебя сгною в этом подвале. Ты умрешь здесь. От голода или от холода, я не знаю. Так что, слушай меня внимательно. Я оценки ставить не буду. Это будет экзамен на жизнь и на смерть.

Павел. Так вы убьете меня? Убьете? Не убивайте меня! Ну, пожалуйста, не убивайте!

П.И. Да я и не хочу тебя убивать. Зачем мне это? Ты сам себя убьешь, сам! Ты же сам будешь на экзамене отвечать? Сам свою судьбу и решишь.

Павел. Да что это за экзамен то?

П.И. Слушай лучше, что тебе говорит твой преподаватель, Паша. Итак, логарифм - это степень. (*Петр Иванович рисует на доске формулу $\log_N M$* . Степень, в которую нужно возвести его основание N, чтобы получить мантиссу M.

Павел. Какую к черту мантиссу?!

П.И. Если ты будешь орать, то экзамен состоится через пять минут, и ты его провалишь. Вот. Повторяю. Мантисса - это буква M на этой формуле, а основание - это буква N. Понятно?

Павел. Вроде да.

П.И. Повтори

Павел. Мантисса, это буква M, основание буква N.

П.И. Теперь дальше. Очень распространенными типами логарифмов являются логарифмы натуральные и логарифмы десятичные. Слышал о таких?

Павел. Не помню.

П.И. Понятно. Про натуральные тебе еще рано, а вот десятичным я тебя научу. Это просто. Смотри. Десятичный логарифм - это такой логарифм, в основании которого стоит число десять. Понимаешь? Десятка!

Павел. Понимаю.

П.И. (*рисует*). Его можно записать так: $\log_{10}M$. Но принято просто писать $\lg M$. Так вот, давай на примере этого логарифма, самого простого, попробуем кое-что посчитать. Смотри – десятичный логарифм десяти. $\lg 10$. Давай. Повтори - что такое логарифм?

Павел. Логарифм, это степень, мантиссу, то есть, в которую нужно поместить основание, чтобы получить мантиссу.

П.И. Мантиссу. Правильно. И в какую же степень нужно возвести наше с тобой основание, чтобы получить мантиссу.

Павел (*мямлит*). Так, значит, десять...

П.И. (*кричит*): Чему равно основание!

Павел. Десять.

П.И. А мантисса?!

Павел. Десять.

П.И. (*громко*): Ну, и чему равен логарифм?!

Павел. Десять.

Петр Иванович срывает лист бумаги, комкает, бросается на Пашу.

П.И. Какие десять?! Какие десять, идиот?!

Павел (*пытается увернуться*): Не трогайте меня!

П.И. Не трогайте меня! А что с тобой прикажешь делать? Если ты степень не знаешь что такое! Не знаешь ничего. Ну-ка говори! Двенадцать в квадрате сколько будет?!

Павел. Не знаю

П.И. Сто сорок четыре! Восемьдесят один дели на три!

Павел. Да не знаю я ничего!

П.И. Три плюс восемнадцать! Быстро!

Павел. Двадцать один.

Петр Иванович оставляет Пашу, отходит.

П.И. (*спокойно*). Правильно. Вот теперь верно. Теперь ты молодец.

Павел (*хнычет*). Не надо. Не надо, пожалуйста.

П.И. Слезы... Ничего, Паша, это правильные слезы. Правильные. А иначе никак нельзя. Гранит науки надо грызть. Грызть, а не посасывать. Девятнадцать лет тебе. Десять лет ты в школу ходил. Так?

Павел кивает головой.

П.И. И не знал ничего. А тут за один вечер столько узнал. Ну не чудеса ли? Видишь, как тебе повезло? Чтобы ты делал сейчас без меня? Так и жил был недоучкой. (*Подходит к Павлу, гладит его по голове*). Ну, ну, не плачь. Не плачь. Хватит. Успокойся. На сегодня хватит.

Павел (*умоляюще*). Вы отпустите меня? Отпустите?

П.И. Если сдашь экзамен - отпущу.

Павел. А если...

П.И. Сдашь. Только нужно стараться. Нужно учиться, Паша. Не бойся - сдашь.

Петр Иванович подходит к столу, включает магнитофон. Вновь звучит Малер, «Wenn dein Mütterlein».

П.И. (*разворачивается к Павлу*). Это тебе домашнее задание - Малер. Слушай и запоминай слова. Завтра споешь. Слышишь? Споешь по-немецки. На экзамене такой билет тоже может быть. Так что, учись. На сегодня все.

Петр Иванович залазит на стол, выключает свет.

Павел. Развяжите мне руки хотя бы.

Петр Иванович подходит к лестнице, поднимается.

Павел (*громко*). Ну, развяжите! Мне больно, у меня кровь идет!

П.И. (*останавливается у люка*). Рано еще Паша, рано.

Петр Иванович поднимается, закрывает за собой люк. В темноте звучит музыка.

Павел. Ну, пожалуйста.

Действие третье

Сцена №1

В темноте звучит громкая музыка – R'n'B.

Павел (*перекрикивая музыку*). Петр Иванович, выключите это! Я вас умоляю, я не могу больше, не могу больше, выключите!

Открывается люк, сверху раздается голос Петра Ивановича.

П.И. Слушай, слушай. Почувствуй разницу!

Павел. Петр Иванович, ну я вас умоляю! Ну, выключите вы эту дрянь! Выключите, я вас умоляю!

Сцена № 2

Звучит R'n'B. Петр Иванович медленно спускается по ступенькам.

Павел. Пожалуйста, ради Бога, выключите, ради Бога!

Петр Иванович становится на стул, включает лампу. Лампа освещает накрытый белой скатертью стол. На столе - тарелки, бокалы, бутылка вина. Петр Иванович медленно спускается со стула. В его руках белая рубашка и галстук.

П.И. Что, не нравится? А неделю назад нравилось. Нравилось. Чудеса! Как ты быстро меняешься.

Паша. Не включайте это больше, пожалуйста, не включайте. Лучше Малера включайте, Чайковского, но, пожалуйста, не включайте мне эту дрянь.

Петр Иванович вешает вещи на стул, выключает магнитофон.

П.И. Знаешь, у меня в квартире есть сосед, такой же, как ты - молодой дурак. И вот, сосед мне этот жизни не давал. Днем я на работе, жена дома, с ребенком, а он как включит эту свою шарманку. И весь день, весь день. Жена плачет, дочь плачет. А он бац, бац, бац, бац. унца, унца, ун-ца-ца. (*Петр Иванович стучит по столу. Тарелки и бокалы подпрыгивают.*) Вот. Я вначале к нему ходил, разговаривал. Бесполезно. Потом в милицию обращался. Бесполезно. Не понимает человек. И родители его не понимают. И полиция доблестная. Никто не понимает. Все ждут, что я убью его, вот если б я его убил, они бы тогда поняли. А так... ну что с ним делать?

Петр Иванович опять включает магнитофон на полную мощность.

Павел (*кричит*). Не надо! Нет!

П.И. (*выключает музыку*). Слава Богу, нашелся добрый человек - другой сосед. Урезонил этого музыканта - морду ему набил. И его отцу набил. И матери пинка дал. И с тех пор - тишина, благодать. Вот как сейчас. Я тогда испугался даже. Ну, как так? Неужели у нас только силой, силой можно человека научить? Как щенков вас в ваши же лужи тыкать. Ну, что молчишь? Как думаешь? Силой надо, или по-человечески?

Павел. Петр Иванович, я больше не буду. Я когда выйду, не буду больше, клянусь.

П.И. Подожди, еще не вышел. У тебя еще экзамен впереди. А теперь давай поужинаем.

Павел встает с пола. Руки его развязаны. На ногах - кандалы с цепью. Длина цепи достаточна, чтобы дойти до стола. Павел медленно подходит к столу. Петр Иванович подставляет Паше второй стул.

Павел. Спасибо вам, что руки развязали. Так хорошо теперь стало.

П.И. На вот, одень рубашку. Я хочу, чтобы ты выглядел как человек. А кофту я пока постираю.

Павел снимает кофту, надевает рубашку, неумело застегивает ее. Петр Иванович помогает ему.

П.И. Вот, видишь, совсем другое дело. Я тебе тут еще галстук принес. Сейчас правда, никто галстуки не носит, а по мне так зря. Галстук - он как шпага, как кортик у офицера. Хочешь, научу тебя завязывать? Подними воротник. Так. Держи галстук. Галстук держи. Вот так – понял? Сначала накидываешь, потом делаешь узел. Ясно?

Павел. Ясно.

П.И. Теперь сам. Да не так. Вот, смотри, понял? Ладно, садись.

Павел садится. Петр Иванович обходит стол, садится напротив Павла.

П.И. К завтрашнему дню потренируешься. А сейчас - налей мне вина. И себе наливавай.

Паша наливает вино в бокалы.

П.И. Ну, пей, ешь. Сегодня мы с тобой отдохнем немного. Устал я с тобой. Столько сил в тебя вкладываю, а все мне кажется без толку.

Павел. Петр Иванович, я стараюсь.

П.И. Ты стараешься, чтобы слинять от меня. Я же вижу. Я тебе, Паша, не верю. Уже две недели прошло, а я тебе все еще не верю. Не знаю – можно ли тебе доверять, или нельзя? На вот, возьми салфетку, вытри рот.

Павел. Спасибо.

П.И. Чем ты меня сегодня порадуешь? Математику повторял?

Павел. Да, выучил вторую главу.

П.И. Хорошо. А с литературой как?

Павел. Тоже выучил.

П.И. Ты меня пойми правильно. Ты вот спрашивал дней пять назад, зачем мол, мне эта литература. Я тебе тогда пощечину дал, не ответил. Мне хотелось, чтобы ты сам понял, сам догадался зачем.

Павел. Я догадываюсь.

П.И. Ни черта ты не догадываешься! Ты это после поймешь, года через два. Дай Бог. Догадывается он. Знаешь, вот в русском армии в свое время были генералы и адмиралы. Колчак, например. О Колчаке слышал?

Павел. Нет.

П.И. Вот он, Паша, кадровый офицер, адмирал - стихи писал, а еще играл на фортепиано, а еще... Или вот Бородин - русский композитор. Слышал? Нет? Он ведь знаменитым химиком был. Химиком! Бородин! Знаешь Бородина?

Павел. Нет

П.И. Да знаешь. Мы когда вчера твой рэп включали, помнишь там девушка пела: «Улетай на крыльях ветра»?

Павел. Да, помню. Девушка, точно.

П.И. Девушка поет, а это Бородин написал. Опера «Князь Игорь», плач Ярославны. Вот зачем он это делал, скажи? Ведь был же химиком, зачем ему эта опера. Или Колчак? Ну, зачем?

Павел (*нерешительно*) Чтобы... чтобы быть людьми.

П.И. Быть людьми... Прекрасно сказано. Быть людьми... Как тебе вино?

Павел. Вкусное. Есть букет...

Петр Иванович встает, смахивает бокалы со стола.

П.И. Уксус вонючий! Уксус! Ты что не чувствуешь?! Быть людьми! Ты что уксус от вина отличить не можешь?! Букет он тут распробовал!

Павел (*испуганно*) Я, я, мне показалось...

П.И. Показалось ему! Пятно вот посадил из-за тебя. Ладно. Давай. Что ты приготовил по литературе.

Павел. Стихотворение Фета.

П.И. Фета. Хм. Какое ты выбрал?

Павел. Ласточки.

П.И. Интересно. Я уже не помню. Ну, давай, читай.

Павел встает.

П.И. Можешь сидя.

Павел (*садится, говорит робко*). Афанасий Афанасьевич Фет. Ласточки.

П.И. Ну, начинай.

Павел (*речитативом*).

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой

П.И. Стоп, стоп, стоп. Это что такое?

Павел. Фет.

П.И. Да какой же этой Фет?! Разве так читают, что это за рэпчик такой?! Что за...
Читай так, как ты сам мыслишь, как чувствуешь. Не торопись, и не надо вот этих твоих та-ра-ра-ра та-ра-ра. Стихи - это шепот, понимаешь, шепот, разговор сердца с самим собой. У тебя есть сердце?

Павел. Есть.

П.И. Не вижу! Я вижу, что у тебя вместо сердца, знаешь что, знаешь? Пламенный мотор. Помпа по перекачки дерьма! Вот что. Давай сначала.

Павел (*тихо*).

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,

П.И. Громче.

Павел.

Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом

Вот понеслась и зачертила
И страшно, чтобы гладь стекла.

Петр Иванович хватается за голову

Павел. Что, что вы молчите?

П.И. (*отпрянув*). Ничего продолжай.

Павел (после паузы).

Вот понеслась и зачертила
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниеносного крыла
И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, -
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть.

Петр Иванович закрывает лицо рукой. Пауза.

Павел. Петр Иванович, что с вами?

П.И. Ничего.

Павел. Вы плачете? Почему вы плачете?

П.И. (*убирает руку*). Да, я плачу. Что здесь такого?

Павел. Я что-то не так сделал?

П.И. Все хорошо.

Петр Иванович встает, отходит к левой стене.

Павел. Что с вами?

П.И. Эх, Паша, Паша. Знаешь, я хотел тебя сегодня пощадить, не мучить больше. Но потом передумал, а сейчас...сейчас я не знаю.

Павел. Что вы не знаете?

П.И. *(разворачивается)* Паша! Сегодня мы последний день вместе, последний день перед экзаменом, понимаешь? Завтра должно все решиться. Для тебя и для меня. А я...Ты вот читаешь стихи, да? Даже галстук натянул! Но ты ведь ничего мне так и не сказал, ничего! Я все тянул из тебя клещами. Клещами, понимаешь? А я так хотел, так хотел, чтобы ты сам, сам открылся мне. Сам.

Павел. Я все вам расскажу, все что хотите

П.И. Да ничего я не хочу! Ты сам, сам должен хотеть. Если ты сам мне не откроешься – что же это такое?! Ты не веришь мне, не веришь!

Павел. Я верю вам. Я верю вам Петр Иванович.

П.И. Прекрати.

Павел. Верю.

П.И. Хорошо. Слушай сюда. Сегодня мы будем говорить о главных вещах, о последних вещах, Павел. О любви будем говорить. О любви и о вере.

Паша. Я расскажу все.

П.И. Замолчи. Ешь. Ешь пока. Доедай, доедай все.

Павел. Петр Иванович. Я хотел вам признаться.

П.И. Не сейчас, чуть позже. Ешь!

Павел. Я не хочу есть. Петр Иванович, выслушайте меня.

П.И. Что такое?

Павел. Я сегодня хотел вам признаться кое в чем.

П.И. В чем же?

Павел. Вот, помните, мы с вами о вере говорили? Вы тогда посмотрели на мой крестик и сказали, что я, должно быть, неверующий.

П.И. Нет. Я так не говорил, ты перевираешь. Я просто спросил тебя – верующий ли ты человек? Я, конечно, сомневался. И сейчас сомневаюсь. Но крестик ведь я тебе вернул. Что еще?

Павел. Не в этом дело, не в крестике. Я хотел сказать, что вы правы. Вы правы – никакой я не верующий, никакой не православный. Я не верил Петр Иванович. Это было... Я просто ради матери ходил иногда. Она меня затащила в этот храм, все хотела спасти меня. А я, я всех обманывал. Священника этого, Николая. Да и вообще – вы знаете, зачем я туда ходил?

П.И. Нет. Не знаю, но догадываюсь.

Павел. Я ходил туда глазеть на девушек. Понимаете? Они стояли всегда такие кроткие, как монашки. Стояли и пели: Христос Воскресе из мертвых! А я, я, я на их губы глядел. Я их даже раздевал мысленно. Гад! Вы не представляете, как это низко было. Я глядел на них и мысленно хотел их, понимаете?

П.И. Ну подожди, подожди. И ты не раскаивался никогда?

Павел. Нет, никогда. Никогда. Я врал все время. Я на исповеди врал этому отцу Николаю. Я, я издевался над ним. Вот и вся моя вера. Вот такой я был православный. Простите меня.

П.И. Ну, это не ко мне, к ним нужно идти. К священнику этому...

Павел. Я еще сознаться хотел.

Петр Иванович подходит к столу, садится.

Павел. Вы слышите меня?

П.И. Говори.

Павел. Я о любви, о любви хочу сознаться. Помните ту девушку, ту девушку, которую я ударил? Юльку.

П.И. Помню. В зеленой куртке которая?

Павел. Да. Я сволочь, Петр Иванович, сволочь. Вы знаете, как она стала моей? Знаете?

П.И. Нет, Паша, не знаю.

Павел. Я ведь... я, я испортил ее. Я...

П.И. Не горячись, расскажи все спокойно. Ну?

Павел. Там был день рождения, у этого, Мухи.

П.И. Так.

Павел. Ну и она была. Она в школе еще учится. В одиннадцатом классе. И ее кто-то привел. В общем, день рождения был у Мухи, и пьянка большая была. Там все были, все - весь двор был. И она пришла, она не с нашего двора. Ее пригласил кто-то.

П.И. И что?

Павел. Она отличница, понимаете? Хорошая девочка, из хорошей семьи. У нее золотая медаль, кажется, выходила, пока она со мной не связалась.

П.И. Так как она с тобой связалась то?

Павел. Напоили ее. Понимаете? Мы ее, как говорится, накачали. Вино всякое, коктейли эти. Я в коктейли ей водку подливал.

П.И. Водку значит. Ну, ну, не останавливайся.

Павел (*обхватывает голову руками, меняется в голосе*). Не могу я. Она накачалась и, в общем, ее все начали трогать. Там у Мухи комната есть отцовская, диван такой раскладной. Мы ее туда отнесли. И девчонки там были – подружки ее. И девчонки говорят - давайте с ней, кто хочет отличницу?

П.И. Боже!

Павел. Я сказал, что я хочу. Все боялись сначала, а я, я – мне ее жалко было сначала, а потом. В общем, я сказал, что я сам все сделаю и выгнал всех. А они под дверью стояли. Муха вначале хотел быть, мол, это ему подарок на день рождения, но я Муху выгнал.

П.И. Дальше. Не хнычь - дальше что было?

Павел. Я все сделал с ней. Она что-то лепетала непонятное. Папа, папа Все папу звала. А я все с ней сделал, понимаете? Сволочь.

П.И. И тебе не было ее жалко?

Павел. Не было, Меня азарт взял - она ведь в первый раз. А потом, а потом все с ней были. И Муха был, и Серый, и все эти уроды - все мы с ней были. Не могу больше говорить. А утром, она проснулась и меня поцеловала. Я рядом спал. Понимаете, я не понял ничего. Я думал, она нас ментам сдаст, хотел ей угрожать. Но она не сдала никого. Она не помнила ничего. Помнила только, что я с ней был, а всего остального не помнила.

П.И. Ты ей потом не рассказывал.

Павел. Рассказывал. Она сказала, что ей теперь все равно. Лишь бы со мной быть.

П.И. Поэтому ты ее бил?

Павел. Я ее бросить хотел, а она за мной таскалась. Всюду за мной стала ходить, пить, курить начала Ее родители вначале не пускали. Отец ее один раз пришел ко мне и сказал, что повесит меня. А я его послал. А потом она ушла из дома.

П.И. Паша, зачем ты это рассказываешь?

Павел. Я не могу больше молчать, я вам все, все расскажу. И как я у матери крал. И сестру как обижал. У меня ведь сестра есть маленькая. Она в пятом классе учится. А отец нас кинул.

П.И. Паша.

Павел (*ложится головой на стол*). Отец кинул нас, он в Кемерово сейчас живет. Я матери говорил – давай я поеду его найду. А мать сказала, не надо. Я его убить хотел. Она боялась, что я убью его. А, Юлька, девушка моя, сказала, что тоже убила бы своего отца.

П.И. (*вскакивает*) Паша, замолчи!

Павел. Я испортил ее, понимаете? Ее теперь из школы выгоняют. А сестра моя...

П.И. (*подходит к Павлу*). Паша, помолчи, не надо. Я верю тебе. Верю!

Паша обнимает Петра Ивановича.

П.И. Ну, будет, будет. Успокойся. Ты молодец, что рассказал, молодец. Ты прости меня Паша. Я не хотел.

Петр Иванович опускает одну руку в карман пиджака.

Павел. Я все вам расскажу, если хотите. Я не боюсь. Я себя боюсь. Я расскажу вам все.

П.И. Подожди, подожди.

Павел. Петр Иванович я вам все расскажу, я теперь понимаю, как это все было низко. Я урод, поймите, урод. Я не хочу так больше жить, мне противно самого себя, меня тошнит от самого себя.

Петр Иванович одной рукой обнимает Пашу, другой – роется в кармане пиджака.

П.И. Это ничего. Ты сказал мне, и тебе легче стало. Давай теперь, поешь. Поест тебе надо.

Павел. Спасибо.

Павел берет ложку, начинает жадно есть салат. Петр Иванович проходит на свое место, садится, закидывает ногу на ногу, оглядывается на люк.

Павел. Петр Иванович, а еще, я хотел вам рассказать....

Сверху из люка раздается женский голос.

Голос. Петр Иванович?

Паша испуганно смотрит вверх.

Голос (громче) Петр Иванович, вы здесь?

Павел (шепотом) Кто это?

П.И. Сиди тихо. Не шевелись.

Петр Иванович берет со стола нож, поворачивается к Павлу.

П.И. Сиди тихо, понял?

Паша испуганно кивает головой.

Голос. Где вы, Петр Иванович?

П.И. (громко) Сейчас, сейчас.

Голос. Где вы?

П.И. (Павлу). Если ты дернешься – я вернусь. Я вернусь, и тебе будет хуже. Ты понял меня?

Паша кивает в ответ.

Голос. Вы в подвале?

П.И. Иду. иду.

Петр Иванович поднимается по лестнице, уходит вверх. Люк остается открытым.

Сцена №2

Павел смотрит на люк, дрожит. Губы его начинают шевелиться.

Павел (*шепотом*) Помо...помогите. Помогите. (*Громче*). Люди! Помогите! (*Кричит*). Помогите! Люди! (*Забирается на стул*). Помогите мне! Выпустите меня! Я здесь, здесь, в подвале!

По лестнице медленно спускается Петр Иванович. Павел остается стоять на стуле, говорит тише.

Павел. Кто-нибудь, пожалуйста.

Петр Иванович идет на Павла. Павел слезает со стула, дрожит, садится на пол, обхватывает голову руками.

П.И. Я же тебя просил – веди себя тихо.

Павел (*всхлипывая*) Не надо. Не надо.

П.И. Что не надо?

Павел. Не надо, прошу вас.

П.И. Я ведь тебе поверил.

Павел. Простите меня.

П.И. Я понимаю. Ты хотел спастись, понимаю. Хотел легко отделаться.

Ты подумал, что это кто-то пришел, верно?

Павел кивает головой.

П.И. Что, не мог потерпеть один день? Ведь один день остался! Один день.

Павел. Простите, ну пожалуйста.

П.И. Ничего я понимаю, понимаю. Ты думал, кто-то пришел, такой шанс, нужно крикнуть, сдать меня. Но поверь - никто не приходил. Никто.

Павел. Как не приходил?

П.И. Я хотел проверить тебя. Просто проверить. Там наверху есть еще один магнитофон. Просто магнитофон. А пульт – вот он.

Петр Иванович достает из кармана пульт, нажимает кнопку. Из люка доносится женский голос.

Голос. Петр Иванович? Петр Иванович, вы здесь?

Павел. Гад! Гад! Чтоб ты сдох!

П.И. Ничего, ничего, я понимаю, я все понимаю. Ничего. Одного только жаль. Я ведь поверил тебе. Поверил. А ты.

Павел (*кричит*) Ааа! Гад!

Голос. Петр Иванович, где вы?

Павел сидит на полу, бьет по нему кулаками, стонет. Петр Иванович залазит на стул, выключает свет.

Голос. Где вы, Петр Иванович? Вы в подвале?

Петр Иванович поднимается по лестнице.

П.И. Завтра в десять экзамен. У тебя есть восемь часов. Отдыхай.

Павел стонет. Люк захлопывается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена №1

В подвале включается свет. Петр Иванович в парадном костюме слезает со стула. Павел сидит на полу, там же, где сидел в первом действии. Руками он закрывается от света.

Петр Иванович накрывает на стол белую скатерть, ставит графин с водой.

П.И. Вот так, все готово. Сегодня такой теплый день. Видел бы ты, какое сегодня небо! Лазурь! Одним словом – праздник. Ты чистил зубы?

Павел (*бурчит*) Да.

П.И. А почему без галстука?

Павел молчит. Петр Иванович подходит к Паше, поднимает его голову, смотрит на шею.

П.И. Ты с ума сошел! У тебя ведь ссадины остались! Ты что хотел натворить?!

Павел. У меня все равно не получилось. Слишком низко.

Петр Иванович бьет Павла по щеке.

П.И. Дурак! Дурак!

Павел. Я знаю.

П.И. (*трясет Павла за плечи*) Паша, что с тобой? У тебя ведь остался последний шаг, еще чуть-чуть и все закончится. Ты не мог потерпеть?!

Павел. Я не могу. Я так больше не могу.

П.И. (*прижимает Павла к себе*) Это трудно, я знаю, но потерпи, потерпи Паша. Может, ты хочешь чего-нибудь?

Павел. Позвоните моей маме, пожалуйста. Когда все закончится.

П.И. Хорошо. Я позвоню. Ты ей сам позвонишь, сам. Ты справишься. Хочешь, сейчас позвоним, а?

Павел. Мне стыдно. Мне стыдно Петр Иванович. Я сейчас не смогу.

П.И. Это хорошо, что стыдно, Паша. Хорошо.

Павел (*кричит*). Мне невыносимо стыдно! Я баран! Баран!

П.И. Ну, все-все, все прошло, все прошло. Ты другой, ты ведь стал другим. Хочешь вина? Немного вина перед экзаменом? Успокоишься. А может сигару? Я купил тебе дорогую сигару, как подарок. Хочешь?

Павел. Я хочу воды.

Петр Иванович подходит к столу, наливает стакан из графина, подносит Паше. Паша залпом выпивает воду, вытирает рот рукавом.

П.И. Ну, что? Пойдем? Пора, Паша, пора.

Петр Иванович помогает Павлу встать, вынимает из кармана новый галстук, протягивает Павлу.

П.И. Вот, держи. Это мой. Я не стал одевать. А видишь, как получилось. Помочь?

Павел. Я сам.

Паша аккуратно повязывает галстук. Петр Иванович одобрительно кивает головой, берет Пашу под локоть, подводит к столу.

П.И. Ну, может сигару?

Павел. После.

П.И. Ну смотри. Тогда начнем!

Павел кивает. Петр Иванович достает из кармана черную ленту.

П.И. Для начала мне нужно завязать тебе глаза.

Павел (*испуганно*) Зачем?

П.И. Чтобы ты не жульничал.

Павел. Как не жульничал? Зачем это?

П.И. Павел, не доводи меня! Так нужно. Нужно и все! Таковы правила. Решается твоя судьба. Все должно быть честно.

Павел. Но...

П.И. Решается судьба! А судьба – это дело случая. А случай – случай он должен быть слепым. Так что повернись спиной!

Павел. Не надо завязывать мне глаза, вы не имеете права, мы так не договаривались.

П.И. Это было задумано с самого начала. Дело не в договоре. Повернись!

Петр Иванович поворачивает Павла насильно. Павел смиряется. Петр Иванович повязывает ему ленточку.

П.И. Вот так! Это просто формальность. Какая тебе разница?

Петр Иванович разворачивает Павла к себе лицом.

П.И. Стой не шевелись. Сейчас я достану билеты.

Петр Иванович достает из кармана три бумажных листа, кладет их веером на стол.

П.И. Ну, теперь все. На столе три билета. Тяни любой.

Павел ощупывает стол, медленно вытаскивает средний лист.

П.И. Снимай повязку. Читай!

Павел. Билет номер два. Задание первое.

П.И. Так.

Павел. Расскажите об историческом значении битвы за Москву в тысяча девятьсот сорок первом году.

П.И. Угу.

Павел. Задание второе. Решите кубическое уравнение.

П.И. Так. Дальше.

Павел (*взволнованно*). Задание третье: Образ главной героини романа Толстого «Анна Каренина» как отражение судьбы русской женщины.

П.И. Прекрасно!

Павел (*опешив*). Что это? Что это за вопросы?!

П.И. Обыкновенные экзаменационные вопросы.

Павел. Но...мы ведь так не договаривались. Я другое готовил.

П.И. Это программа средней школы, обыкновенные вопросы. Чему ты удивляешься?

Павел. Но мы ведь не учили ничего из этого! Что это такое? А где же Фет? Малер?

П.И. Ну на Фете мир клином не сошелся. Да и на Малере тоже.

Павел. Так не честно! (*Выхватывает второй билет, порывисто читает*). Задание первое – Образы Вронского и Каренина в романе Толстого! Задание второе. Решите кубическое уравнение! Задание третье. Расскажите об историческом значении битвы за Москву!

П.И. Отдай сюда!

Павел. Не отдам! Вы обманули меня, я не знаю ничего из этого! Ничего! Мы этого не проходили!

П.И. Положи на место, я сказал!

Павел (*хватает третий билет*). Решите кубическое уравнение. Образ Левина. Историческое значение. Это одинаковые вопросы! Почему они одинаковые?!

П.И. (*спокойно*) Одинаковые? Не совсем. Во-первых, они поменяны местами. Во-вторых, литературный вопрос отличается. Это ведь творческий предмет!

Павел. Отличается?! Творческий предмет?! Вы обманщик!

П.И. Отдай билеты обратно.

Павел. Обманщик! Вы не имеете права!

П.И. Отдай билеты!

Павел. Вы, вы, вы их подменили! Вы, вы...

П.И. Что я? Я, я, я! Ты ведь сам тянул билеты! Сам! Ты мог вообще их не тянуть!

Петр Иванович подходит к Павлу. Павел дрожит от волнения.

Павел (*тихо*). Вы садист. Вы – обманщик. Вы – лжец.

П.И. Билеты!

Павел. Вы, вы ужасный человек Петр Иванович, вы...

Петр Иванович выхватывает у Павла билеты, разворачивается, идет к столу. Павел бросается за ним, срывает со стола скатерть. Графин падает на пол, но не разбивается.

Петр Иванович зло смотрит на Павла.

Павел. Я думал вы честный человек! Я поверил вам, поверил! Я всю ночь повторял, всю ночь! А вы!

П.И. (*кладет билеты на стол*) Ты будешь готовиться, или сразу начнешь отвечать?

Павел. Это одинаковые билеты!

П.И. Я знаю! И не надо кричать! Думаешь я такой простачок - выучил тебя, как обезьяну, складывать два банана и все, дело сделано? Я говорил тебе с самого начала, в первый же день - мне не нужна обезьяна! Мне нужен че-ло-век! Че-ло-век! А человек должен знать все! Все! И Московскую битву, и Каренину, и как суп варить, и как двигатель завести! Все!

Павел. Гад! Какой же вы гад!

П.И. Повтори. Ну-ка повтори!

Павел. Я ведь вам поверил. А вы, вы оказались... маленьким подлым лжецом.

П.И. Ты прав, я маленький подлый лжец. Но дело не во мне. Дело не во мне! Я ненавижу себя, я не люблю себя. Но ты, отвечать будешь ты!

Павел молчит.

П.И. Отвечать будешь ты!

Павел молчит.

П.И. Хорошо. Я давал тебе шанс, давал. Видит Бог – я давал тебе шанс! Но раз ты так хочешь – будь обезьяной. Оставайся ею! Давай, читай своего Фета! Или Малера! Давай – расскажи мне, что ты там повторял!

Павел. Я не буду ничего отвечать.

П.И. Пой Малера! Ты что хочешь здесь погибнуть? Хочешь погибнуть в этом подвале?! Хорошо, я проиграл, я признаюсь! Оставайся хоть обезьяной, хоть чертом! Это твой выбор, твой! Я давал тебе шанс, шанс, слышишь? А ты... оставайся приматом, будь собой, пой своего Малера!

Павел. Зачем вы так? Зачем вы так жестоко со мной!

П.И. Жестоко?! Какая же это жестокость Паша? Помнишь наш первый день?

Павел. Петр Иванович...

П.И. Нет, погоди. Помнишь первый день? А теперь - посмотри на себя. Теперь ты можешь ходить, руки твои свободны, на тебе приличная одежда, галстук, но... Я вижу, что я проиграл. Да, проиграл. Но знай – просто так я тебя не отпущу!

Павел. Петр Иванович, не мучайте меня. Я не хочу.

П.И. Вставай на табурет, пой!

Павел. Нет.

П.И. (*подходит к Павлу, дергает его за рукав*) Вставай и пой, я сказал!

Павел медленно взбирается на стул.

П.И. Пой! Ну!

Павел (*нерешительно*). Wenn dein Mütterlein...

П.И. Фальшивишь!

Павел (*громче*).

Wenn dein Mütterlein
tritt zur Tür herein,
und den Kopf ich drehe,

П.И. Фальшь! Неправда! Пой, как ты пел раньше! Пой, обезьяна!

Павел (*поет тихим красивым голосом*).

Wenn dein Mütterlein
tritt zur Tür herein,
und den Kopf ich drehe,
ihr entgegen sehe,
fällt auf ihr Gesicht
erst der Blick mir nicht,
sondern auf die Stelle,
näher nach der Schwelle,
dort, wo würde dein
lieb Gesichten sein.

Павел, не доев куплет, падает со стула в изнеможении.

Петр Иванович медленно подходит к Павлу, присаживается, слушает его грудь.

После – берет с пола графин с остатками воды, льет воду Паше на лицо.

Паша открывает глаза. Петр Иванович поднимает Павла, подпирает его спину стулом.

П.И. Вот так. Посиди, Так легче будет.

Павел (*в бреду*). Я забыл вам сказать, Петр Иванович...

П.И. Тебе лучше молчать. Тебе ведь плохо, помолчи.

Павел. Помните, вы спрашивали о детстве? Я забыл сказать.

П.И. Да помолчи ты!

Павел. Я должен сказать. Вы можете меня оставить. Я не хочу наверх, не хочу. Я не смогу там жить, понимаете? Не смогу.

П.И. Сможешь, Паша. Что ты такое говоришь?

Павел. Оставьте меня здесь, пожалуйста.

П.И. Тихо, тихо.

Павел. Оставьте меня здесь. Я расскажу о детстве. Знаете, мне было тогда восемь лет. И мы поехали за грибами. Отец тогда был с нами. Мы поехали на машине, у нас была машина. Не помню. Красная. Сестренки еще не было. А я поехал. Было так светло. Только сентябрь начинался. Тепло было и листья начинали падать. Желтые. На том месте были околки березовые. Они такие прозрачные - сквозь них видно небо, не так, как в сосновом лесу. Там все прозрачно, небо такое синее.

П.И. Подожди, я принесу тебе воды.

Петр Иванович поднимает с пола графин, подходит к столу, наливает в стакан оставшуюся в графине воду, достает из кармана пакетик, высыпает порошок из пакетика в стакан.

Павел. И мы нашли очень много грибов. Опята, знаете – на пне растут?

Петр Иванович подходит к Паше, протягивает ему стакан.

П.И. Выпей лекарство, выпей - тебе легче будет.

Павел (*пьет, потом отклоняет стакан*). Они на пне растут. А есть еще лже-опята. Их тоже насобирали, я ведь не знал тогда. А отец их выбросил все, все мои грибы, потому что они ведь ядовитые. И они мне мать тогда они отец говорят ты грибы носи к машине. Не могу...

П.И. Ты помолчи лучше, помолчи. Сейчас легче станет.

Павел. Я пошел тогда грибы в машину я понес, там мешок был я шел. И я заблудился. Потерялся я. А там всюду околки. Мы все тогда вместе были и отец. Я кричал папа, папа. А мать...

Павел закрывает глаза.

П.И. Ложись, ложись, отдыхай.

Павел. Кричал папа.

Паша засыпает. Петр Иванович аккуратно кладет его на пол.

П.И. Прости меня. Прости Паша. Я не хотел. Не хотел так.

Петр Иванович снимает с Павла оковы, рубашку, брюки. В углу под лестницей он берет черную сумку, складывает в нее все вещи, достает из сумки Пашин спортивный костюм, вешает его на стул.

Петр Иванович подходит к Паше, склоняется над ним.

П.И. Прощай Паша, прощай. Ты был прав, я баран. Я полный баран.

Петр Иванович встает, забирается на стол, гасит свет, после – выходит из подвала по лестнице.

Слышно как закрывается люк.

Сцена №2

В темном подвале загорается лампочка. Павел стоит на столе в одних трусах. Он оглядывает комнату. На стуле висит его одежда.

Павел (кричит) Петр Иванович! Петр Иванович, где вы?!

Павел оглядывается.

Павел. Петр Иванович!

Павел замечает на стуле свою одежду, слезит со стола.

Павел. Где вы?

Павел спешно надевает спортивный костюм, одевшись, подходит к лестнице, поднимается вверх, медленно приоткрывает люк.

Павел. Петр Иванович! Вы здесь?

Павел выходит из подвала.

Сцена № 3.

Из люка раздается шум, потом - мужской голос.

Мужской голос. Стой. Стоять! Он здесь, товарищ капитан. Стой на месте! А ну обратно зашел, обратно!

Женский голос. Там кто-то есть? Вот он!

Другой мужской голос. Я ведь говорил, что здесь что-то не то.

Павел медленно спускается по лестнице, смотрит на люк. За Павлом спускается сержант полиции с пистолетом в руке. За сержантом – капитан полиции, за ним – старушка в светлом парике.

Старушка. Стол сюда притащили! Товарищ капитан, смотрите.

Капитан. Да погодите вы!

Сержант (Павлу) Назад отойди. Так. Стой.

Павел. Вы кто?

Капитан. Это ты кто? Ты кто такой?

Павел. Я – Паша.

Капитан. Какой еще Паша?

Павел. Разумов Павел Васильевич.

Старушка. Этого не было с ним. Там другой был – мужчина. Мужчина был взрослый, а это дитё.

Капитан. Да погодите вы, Лариса Ивановна.

Лариса Ивановна. Мужчина был, он снимал дом. А этого я не знаю.

Сержант. Руки вытяни.

Павел. Зачем?

Капитан. Это мы у тебя спрашивать будем, зачем ты здесь сидишь, в чужом подвале.

Павел. Но я... Я ведь не сам сюда попал.

Сержант. Как не сам. А кто тебя притащил? Инопланетяне? Или мы тебя подкинули?

А?

Павел. А где Петр Иванович?

Капитан. Ты зубы не заговаривай! Какой еще Петр Иванович?

Павел. Вяземский.

Капитан (*садится на стул*). Так-с!

Лариса Ивановна поднимает с пола порванную скатерть.

Лариса Ивановна. И скатерть порвали! Мало им! Наверху все вверх дном, здесь бардак навели! Это все этот Алексей виноват!

Капитан. Так, подождите! Какой Алексей?! Какой Петр?!

Сержант (*Павлу*). Стой спокойно! А то повяжу!

Павел отходит назад.

Капитан снимает фуражку, кладет ее на стол.

Капитан. Давайте по порядку. Лариса Ивановна. Вы знаете этого молодого человека?

Лариса Ивановна. Нет. Я другому дом сдавала. И не молодой он был, а здоровый мужик. С сединой, с бородкой...

Павел. Это Петр Иванович!

Сержант. Тебя не спрашивали пока.

Капитан. Подожди, что ты сказал, какой Петр Иванович?

Павел. Петр Иванович Вяземский, преподаватель математики.

Капитан. Какой математики?

Лариса Ивановна. Никакой не математики. Я сдавала дом Алексею. Сейчас подождите. У меня тут все записано. Вот Алексей Евгеньевич Лазарев. Ой, а паспортные данные я не записала.

Капитан. То есть вы сдавали этот дом какому-то человеку.

Лариса Ивановна. Ну да, я же вам рассказывала. Сдавала дом. Он за месяц заплатил, а месяц прошел – я звоню ему, а он трубку не берет. Я приехала сюда, смотрю - дом открыт, вещи пропали. Стол, стул, ведро, магнитофон. Штопор вот не могу найти. Я вас вызвала.

Павел. У вас не было штопора. А магнитофон – вот стоит.

Лариса Ивановна. Да ты вообще кто такой?

Павел. Я тут жил с Петром Ивановичем.

Капитан. Так. Значит ты тут незаконно жил. Сколько ты тут находишься?

Павел. Я не знаю.

Лариса Ивановна. Тот на месяц снимал, Алексей который. Сказал, ему домик тихий нужен, чтобы рядом никого. Нашел мою дачу, я как раз объявление давала.

Капитан. Как он выглядел? Запомнили?

Лариса Ивановна. Говорю же, седой, с бородой, аккуратный такой. Сказал, что ему дом нужен для работы - диссертацию писать.

Капитан. И звали его, значит, Алексей. А твой, говоришь, товарищ, как его?

Павел. Он не товарищ мне. Он меня взял сюда просто.

Капитан. Как это?

Сержант. Игорь Никитич – а не тот ли это паренек?

Капитан. Какой еще?

Сержант. Ну, пропал который. Помните, сводку давали? Парень пропал в спортивном костюме.

Капитан. Как тебя зовут, еще раз?

Павел. Разумов Павел Васильевич.

Капитан. Кузин, звони в отдел.

Лариса Ивановна. Порвали скатерть вот.

Сержант (*набирает номер на сотовом телефоне*). Ваня – как там того парня звали, что пропал три недели назад? Ага, смотри. Да тут на дачах нашли какого-то. Непонятно. Вор не вор. Ага. Точно он. Нет. Живой. Ага.

Капитан. Ну что там?

Сержант. Это он, Разумов.

Капитан. Ты что здесь делаешь Павел? Бродяжничаешь?

Павел. Нет

Лариса Ивановна. Да как же нет, когда весь дом вверх дном! Штопор пропал, стол, магнитофон!

Павел. Да нет у вас штопора! Ничего мы не брали!

Лариса Ивановна. Ага! А ты откуда знаешь? Шарился везде, поди?

Капитан. Так, все, поехали в отделение. Там будем выяснять кто где шарился.

Лариса Ивановна. А скатерть как же?!

Капитан. Там все выясним и про Алексея вашего, и про Петра Ивановича, и про штопор со скатертью. Давайте все наверх. Павел – наверх. Кузя – смотри за ним.

Раздается звонок телефона. Это звонит телефон в кармане Пашиного костюма.

Капитан. Кто это?

Сержант (*подходит к Павлу, вынимает телефон из его кармана*). Сейчас посмотрю. Ага. Вот. Мать звонит. Это мать его.

Капитан. Будешь разговаривать?

Павел молчит.

Сержант. Ты что, не русский? С матерью будешь говорить?

Паша молчит.

Сержант. Вот баран. Мать твоя?

Павел (*берет трубку дрожащими руками*). Мама... это я, Паша. Я живой. Живой. Ну не плач. Не плач, пожалуйста.

Капитан. Все, кончай сопли распускать. В отделении разберемся. Давайте наверх.

Лариса Ивановна. А скатерть кто вернет?

Сержант (*Павлу*). Шевелись.

Лариса Ивановна. Вот сволочи! Домушники проклятые.

Все уходят наверх. С грохотом закрывается подвальный люк. Продолжает гореть свет.